

К ВОПРОСУ О МУЗЕЙНОМ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИИ И ВЕЩЕСТВЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ

УДК 930.2 : 069.01

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-2112-159-165>

Л. В. Беловинский

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация
e-mail: leonidbelovinsky@yandex.ru

Аннотация: В статье с опорой на многочисленные суждения специалистов и практику рассматривается проблема экспрессивности, аттрактивности и информативности вещественного источника как исторического и специфически музейного типа источника. Анализируются взгляды историков, источниковедов, музейных работников и преподавателей музейных кафедр на музейный предмет как специфический исторический источник, обладающий широким спектром свойств. Утверждается, что аттрактивность и экспрессивность далеко не всегда являются непременными свойствами музейного предмета. Основное внимание обращено на принцип информативности музейного предмета и его семантику. Автор статьи приходит к выводу о том, что предмет как таковой, не несет в себе «внутренней» информации, т. е. не является историческим источником, а, следовательно, существование музейного источниковедения как научного направления и учебной дисциплины оказывается под вопросом.

Ключевые слова: музейные предметы, источниковедение, музейное источниковедение, комплексное источниковедение, исторический источник, вещественный источник, письменные источники, археологические источники, изобразительные источники, знаковые источники, критика источника, экспрессивность, аттрактивность, информативность, коммуникативность, классификация, экспозиция.

Для цитирования: Беловинский Л.В. К вопросу о музейном источниковедении и вещественных источниках // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. №2 (112). С. 159-165. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-2112-159-165>

ON THE QUESTION OF MUSEUM SOURCES AND SOURCES

Leonid V. Belovinsky

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation
e-mail: leonidbelovinsky@yandex.ru

БЕЛОВИНСКИЙ ЛЕОНИД ВАСИЛЬЕВИЧ – доктор исторических наук, профессор, кафедра музейного дела, Московский государственный институт культуры

BELOVINSKY LEONID VASILIEVICH – DSc in History, Professor at the Department of Museum Affairs, Moscow State Institute of Culture

© Беловинский Л.В., 2023

Abstract: The article deals with the problem of expressiveness, attractiveness and information content of a material source, as a historical and specifically museum type of source, based on numerous opinions of specialists and practice. The views of historians, source experts, museum workers and teachers of museum departments on the museum object as a specific historical source with a wide range of properties are analyzed. It is argued that attractiveness and expressiveness are not always indispensable properties of a museum object. The main attention is paid to the principle of informativeness of a museum object and its semantics. The author of the article comes to the conclusion that the object as such does not carry «internal» information, i. e. it is not a historical source, and, consequently, the existence of museum source studies as a scientific direction and academic discipline is called into question.

Keywords: museum objects, source study, museum source study, complex source study, historical source, material source, written sources, archaeological sources, figurative sources, iconic sources, source criticism, expressiveness, attractiveness, informativeness, communicativeness, classification, exposition.

For citation: Belovinsky L.V. On the question of museum sources and sources. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2023, no. 2 (112), pp. 159-165. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2023-2112-159-165>

Главным и конечным итогом работы музея является реконструкция прошлого, создание экспозиции. Собирание, хранение, атрибуция, научное описание музеиного предмета и даже экскурсионная работа и разработка современных методик работы с посетителем, чем так увлекаются в последнее время теоретики музееведения, являются служебными по отношению к созданию грамотной, научной экспозиции. Такая экспозиция должна представлять собой легко читаемый «текст», в котором «буквами» и «словами» выступают составляющие экспозицию музейные предметы, картины, гравюры, рисунки, плакаты, чертежи, фотографии («изобразительные источники»), карты, схемы, диаграммы («знаковые источники»), различные рукописи и книги («письменные источники»). Помимо презентации эпохи в экспозиции они используются и в собственно научной работе, в подготовке к созданию экспозиции, в изготовлении вспомогательных материалов. Например, картины Г. В. Сороки «Кабинет в Островках» и П. А. Федотова «Завтрак аристократа», тропининские портреты ярославского купца Киселева, писателя М. Н. Загоскина, А. А. Мазурина или портрет А. Н. Оленина (копия А. К. Лакшина с оригинала А. Г. Варнека), А. Н. Голицына работы К. П. Брюллова и другие дают нам изображение писчего

гусиного пера в том виде, как им писали – укороченного, с обрезанной бородкой. Нынче же просто помещают в экспозицию птичье перо как оно есть, не всегда маховое и даже не всегда гусиное. Итак, названные картины или портрет дают информацию о пере. Но вот вопрос: а какую информацию содержит само перо, предмет, оказавшийся в экспозиции?

В 1979 году видный ученый в области музейного дела А. М. Разгон, столетие со дня рождения которого в 2020–2021 гг. отметил музеиное сообщество, выступил со статьей «Музейный предмет как исторический источник» [8]. Едва ли не впервые в нашей стране здесь были выдвинуты понятия «музейное источниковедение» и «вещественные источники». Эта тема стала предметом его рассуждений и в дальнейшем [8]. Ссылаясь на ведущего чехословацкого теоретика музееведения З. Странского, считавшего музейный предмет подлинным носителем информации, Разгон утверждал, что «вещественные музейные предметы содержат существенную информацию и являются важными типами исторических источников...» [8, с. 173]. Идеи А. М. Разгона о музейном предмете как вещественном источнике развивала его соратница Н. П. Финягина. В посвященной юбилею Разгона статье «Развитие музейного источниковедения – важнейшая задача со-

временного музея» она писала: «Музейное источниковедение (как и профильное) интересует содержащаяся в предмете семантическая информация. Но музейное источниковедение одновременно рассматривает предмет и как источник эмоций – оценивает его экспрессивные свойства, часто в большей мере, чем семантическая информация, определяющие музейную ценность источника. Таковы, например, многие мемориальные предметы. Музейное источниковедение интересует также способность предмета привлекать внимание – его аттрактивные свойства. Эти свойства музейного предмета обуславливает его коммуникативность, способность передавать информацию. <...> Содержащаяся в музейном источнике информация передается непосредственно через материальную сторону предмета – форму, устройство, материал, размер, вес, цвет» [10, с. 18–19]. Представления о свойствах музейного предмета подытоживает Российская музейная энциклопедия: «Согласно соврем. взглядам, музейный предмет принято рассматривать в единстве его общих свойств и конкретных признаков. К первым относятся: информативность – способность выступать в качестве источника информации, аттрактивность – способность привлекать внимание посетителя, экспрессивность – способность вызывать ассоциации и оказывать эмоциональное воздействие. Общие свойства раскрывают содержание, морфологию и семиотику (совокупность значений и смыслов) музейного предмета» [2].

Темы вещественных источников, преимущественно их классификации, в той или иной степени касались известные историки-источниковеды И. Д. Ковальченко [5] и С. О. Шмидт [11]. Не обошли вниманием вещественный источник и авторы фундаментального учебного пособия по источниковедению, созданного в РГГУ [4]. Пожалуй, наиболее полная попытка изложения проблем музейного источниковедения была предпринята историком-источниковедом Н. Г. Самариной в главе учебного пособия по музееведению [7]. Наконец, совсем недавно вышел в свет

сборник статей, специально посвященный вещественным историческим источникам [9].

Казалось бы, за более чем четыре десятка лет проблемы использования вещественных источников и музейного источниковедения должны были бы быть разработаны достаточно подробно. Однако, увы!

В основе источниковедения как науки лежит классификация источников. Основной и самый традиционный тип источника, письменный, давно и хорошо классифицирован: историки пользуются письменными источниками уже не первую сотню лет. Нет проблем с изобразительными источниками: историки и музейные работники давно их используют и изучают¹. То же самое можно сказать и о знаковых источниках – картах, диаграммах и пр. Но что касается специфически музейного источника – вещественного, то здесь почти ничего не сделано. Еще А. М. Разгон сетовал на неразработанность классификации музейных предметов. Н. Г. Самарина в упомянутом учебном пособии вещественные источники только называет и частично перечисляет. «К сожалению, – пишет она, – научные исследования ведутся разрозненно, результаты их пока не обобщены, поэтому родовая классификация вещественных источников пока невозможна» [7, с. 81]. Ограничиваются лишь декларативным заявлением о важности вещественных источников для музееведения авторы учебного пособия РГГУ по источниковедению: «В последние годы наблюдается все больший интерес к использованию в исторических исследованиях интеграционных методик работы как с письменными, так и с вещественными памятниками. В частности, началось более тесное проникновение и взаимное обогащение методик источниковедения и музееведения, поскольку в музейной работе комплексное использование вещественных и письменных памятников имеет

¹ Например: Терентьева Л. А. Изобразительные источники и методика их использования в исторических исследованиях. М., 1991; Магидов В. Я. Кинофотодокументы в контексте исторического знания. М., 2005.

особое значение» [4, с. 151]. Примечателен в этом отношении следующий пассаж из упомянутого пособия: «...Теория источниковедения неизменно подчеркивает обширность и значимость вещественных памятников. Вещественные источники охватывают огромный комплекс предметов и сооружений. <...> Речь идет об огромном мире окружающих нас предметов. Однако ни теория, ни практика источниковедения пока еще не могут дать конкретных рекомендаций об использовании в исторических исследованиях вещественных источников. <...> Далее развитием сюжета мог бы стать разговор о прочих многочисленных и разнообразных предметах, которые постоянно окружают человека. <...> Однако осуществить это в рамках учебника невозможно» [4, с. 508]. Таким образом, налицо явное нежелание вступать в совершенно неизведенную область: в 700-страничном учебнике не нашлось нескольких страниц для суждений о вещественных источниках, не раз упомянутых в его вводной части.

Один из участников сборника «Роль вещественных источников в информационном обеспечении исторической науки», В. П. Алексеев, пишет: «Источниковеды советского периода продолжили традицию декларирования (подчеркнуто мною – Л. Б.) вещественных источников в качестве типа исторических источников. При этом практически никак не разъяснялись критерии, на основании которых осуществлялось разграничение типов источников. <...> Сегодня вещественные источники продолжают характеризоваться в самом общем виде – как один из типов источников, включающий все движимые предметы материального мира, в которых овеществлена деятельность людей. Приходится констатировать, что теоретико-методологические вопросы изучения вещественных источников до сих пор не разработаны» [9, с. 23–24].

Общим местом в рассуждениях о вещественном источнике являются утверждения о его отличительных особенностях – его экспрессивности и аттрактивности. Например,

А. М. Разгон утверждал, что музейный предмет является носителем не только семантической, но и эмоциональной информации. Н. Г. Самарина заявляет, что «музейный предмет, в отличие от исторического источника, обладает свойствами аттрактивности и экспрессивности, существенно дополняющими семантическую нагрузку исторического источника» [7, с. 72]. Выше цитировались высказывание Н. П. Финягиной и фрагмент статьи «Музейный предмет» из Российской музейной энциклопедии, также содержащие утверждения об аттрактивности и экспрессивности музейного предмета. Сами по себе формулировки (а в энциклопедии, нормативном издании, формулировки чрезвычайно важны) таковы, что у читателя складывается убеждение об аттрактивности и экспрессивности как непременных свойствах музейного предмета.

Представим себе столь модную сейчас и грамотно сделанную экспозицию «Русская изба». Вот русская печь. Возле нее стоят один-два ухвата, кочерга, печной голик, хлебная лопата – непременные принадлежности работы возле печи. На шестке один-два закопченных горшка или чугунка, таган. Какой из этих предметов настолько аттрактивен, что привлечет особое внимание зрителя и настолько экспрессивен, что вызовет у него всплеск эмоций? Этот вопрос в полной мере относится и к сохе, мялке для льна или коромыслу, которым, впрочем, нечего делать в избе, самопрялке и кроснам и т. д. Возьмем противоположный пример, также модную сейчас историко-бытовую экспозицию «Коммунальная квартира». Какой из находящихся в ней предметов обладает экспрессивностью и аттрактивностью? Шаткая этажерка с парой безделушек, семейным альбомом фотографий и «Кратким курсом истории ВКП(б)? Фанерная тумбочка?

Да, музейный предмет может обладать аттрактивностью и экспрессивностью. Например, предмет, художественно украшенный резьбой или росписью, либо даже просто относимый к декоративно-прикладному искусству. Или мемориальный предмет. Но все же

аттрактивность и экспрессивность не есть непременные и неотъемлемые свойства музеиного предмета.

Однако речь у нас идет о музейном источниковедении и музейном предмете как историческом источнике информации о прошлом.

А. М. Разгон писал: «Всякий музейный предмет потенциально – исторический источник, но не всякий источник – музейный предмет». Однако тут же сделал оговорку: «С другой стороны, среди музейных предметов имеются такие, которые хотя и могут быть источниками, но фактически не содержат сколько-нибудь значимой смысловой информации» (выделено мной – Л. Б.) [8, с. 177]. Мысль об ограниченности информативных возможностей музейного предмета поддерживает и Финягина: «...вещественный источник ограничен в информативных возможностях – он не выражает абстрактных понятий (выделено мной – Л. Б.). Поэтому многие процессы вещественные источники отражают лишь опосредованно. Чем сложнее эти процессы, тем труднее исследовать и представлять их при помощи вещественных источников» [10, с. 19]. Самарина в число вещественных источников включает монеты и печати. Это как бы должно подкрепить ее заявление об информативности музейного предмета как источника. Но все дело в том, что в данном случае мы имеем дело уже не с вещественным, а с письменным или (и) изобразительным источником: мы анализируем надписи и изображения на монете и печати, но не саму металлическую пластину или оттиск печати либо печать-изделие. Да, разумеется, анализу (химическому, металлографическому) должен подвергаться и сам металл монеты. И он несет в себе информацию. Но...

Читателям, плохо знакомым с источниковедением как наукой, следует объяснить, что письменный и изобразительный источники подвергаются критике (анализируются) двояко. Есть «внешняя» и «внутренняя» критика источника. Внешняя критика – это анализ бумаги (ее структура, технология изготовления, исходное сырье, наличие или отсутствие

водяных знаков) и чернил (химический состав), анализ почерка, если источник именно письменный, формы обращения и пр. То есть то же самое, что анализ металла монеты как предмета. «Внутренняя» критика – критика собственно текста, его содержания, содержащейся в нем информации с целью выяснения подлинности, полноты и правдивости текста.

Но какое «внутреннее» содержание, какую информацию несет в себе ухват, кочерга, голик, деревянная хлебная лопата, соха, мялка и прочие предметы, о которых шла речь выше? Любой музейный предмет может быть подвергнут «внешней» критике (материал, технология изготовления), и эти данные фиксируются в научном описании предмета. Но представляется, что очень редкий музейный предмет как собственно предмет, а не как материал для нанесения изображения или текста, может (если может) быть подвергнут анализу «внутреннего» содержания, как «текст». Разумеется, музейный предмет несет в себе информацию о применявшимся при его изготовлении технологиях, об уровне технологического развития общества в данный момент, но это может быть применимо далеко не к каждому музейному предмету. Например, гусиное перо, использовавшееся для письма и занимающее свое место в экспозиции (разумеется, новое перо, как вспомогательный материал). При уже десятилетия существовавшей технологии изготовления и применении стальных штампованных писчих перьев даже в начале XX в. многие любители каллиграфического письма (например, П. А. Столыпин) продолжали писать гусиными перьями. Столярные инструменты или сошные лемехи (сошники) в XX веке изготавливались точно так же, по тем же технологиям и из тех же материалов, как и в XIX столетии, почему плохо датируются.

Путаница в понятиях «вещественный источник», «изобразительный источник», «письменный источник» довольно характерна. Так, утверждая, что «объекты музейного хранения» суть «вещественные источники (в чистом виде)», Д. Гудзевич и И. Гудзевич приводят пример английской похоронной ло-

жечки генерала Патрика Гордона, содержащей его второе имя – Леопольд. Оно содержится также на надгробной плите и нигде более; его не упоминает в «Записках» и сам Гордон. Так авторы подтверждают свои суждения о вещи как носителе информации. Однако приходится констатировать, что в данном случае ложечка здесь выступает не как вещь «сама по себе», а только как материал (предмет), на который нанесена надпись (текст), а именно второе имя Гордона. Здесь мы имеем дело с *письменным источником*. Не будь *написанного* на ложечке текста, она осталась бы безгласной [9, с. 619].

Это суждение о сомнительности музейного предмета как источника информации может быть подкреплено мнениями других специалистов.

Так, хотя В. П. Алексеев заявляет о том, что «подобно другим типам исторических источников вещи концентрируют информацию о деятельности людей. Они одновременно являются и носителем, и хранилищем информации о прошлом», – все же он признает, что «комплексное источниковедение вещественных источников предполагает привлечение источников иных типов – письменных и изобразительных» [9, с. 26–27, 32]. Вот именно, без привлечения иных типов источников, без предварительно полученных из них знаний о предмете он остается немым свидетелем прошлого. Н. Г. Самарина приводит пример использования в качестве носителя информации археологического предмета. Но, например, по мнению археолога Г. П. Григорьева, в археологических источниках никакой исторической информации не содержится. «Прямо никакой археологический источник не способен дать ответы на вопросы историка» [9, с. 47]. Ссылаясь на это мнение, Г. И. Герасимов пишет: «...Информация как новое знание получается в результате применения специальных методов. В процессе этого создается новое знание – информация о конкретном предмете материального мира. При этом надо помнить, что в предмете этой информации нет (выделено мной – Л. Б.)». «Откуда у археолога эти знания о конкретных предметах, если он в первый раз видит? – спрашивает Герасимов. – Он вывел их по аналогии с множеством других микролитов, которые не раз держал в руках <...>, обратившись к соответствующим справочникам, он найдет подобные микролиты в каталогах других раскопок <...>. Неспециалист никакой новой информации в этих кремнях не обнаружит, потому что для этого у него нет необходимых знаний» [9, с. 47]. Отдельно взятый музейный предмет ни о чем не говорит, а потому в музее сопровождается пояснительными надписями. «Артефакт, вещь и музейный предмет являются источниками информации, – пишет А. А. Никонова. – Но часть информации скрыта и может быть явлена нам только благодаря определенным методам познания» [9, с. 68]. Авторы пособия «Музееоведение. Музеи исторического профиля» также говорят об ограниченности информационных возможностей предмета: «Вещественный источник не выражает абстрактных понятий» [7, с. 75].

Представляется, что оговорки об «ограниченности» музейного предмета как источника информации – просто дань уже устоявшимся ранее теоретическим утверждениям о его неизменной «информационности, аттрактивности и экспрессивности». Самое главное в любом историческом источнике – письменном ли, изобразительном, вещественном, знаковом или аудиоисточнике – его информативность, содержание в нем исторической информации. Если же вещественный источник не является мемориальным, не содержит изображений или надписей, то есть не содержит информации или не способен дать нам ее без использования других, письменных источников, то он – не источник. Это, наконец, нужно признать без оговорок: если музейный предмет не содержит «текста», он не источник. Если основное, что присуще только музею – предмет – не содержит информации, то он не является источником. Значит, нет основания говорить о музейном источниковедении, потому что без фундамента – специфически-музейного вещественного источника – рушится все здание музейного источниковедения.

Список литературы

1. Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных дисциплин и их преподавание в вузах: Тезисы докладов на III Всероссийской конференции. Новороссийск. 1979. Т. 2. С 288–294.
2. Дукельский В. Ю. Музейный предмет // Российская музейная энциклопедия. Москва. 2001. Т. 1. С. 405.
3. Евграфов Е. М. Кинофотодокументы как исторический источник: Учебное пособие. Москва. 1973. 44 с.
4. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учебное пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 1998. 702 с.
5. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. Москва: Наука. 2003. 486 с.
6. Левыкина К. Г., Хербста В. Музееведение. Музеи исторического профиля. Москва: Высшая школа, 1988. 431 с.
7. Основы музееведения: Учебное пособие / Отв. ред. Э. А. Шулепова. Москва: Едиториал УРСС. 2005. 504 с.
8. Разгон А. М. Музейный предмет как источник / Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин: статьи и материалы. Москва: Наука, 1984. С. 174–183.
9. Роль вещественных источников в информационном обеспечении исторической науки. Сборник статей /Автор-составитель Е. А. Воронцова. Москва: Нестор-История. 2020. 701 с.
10. Финягина Н. П. Слово о соратнике и друге (К 80-летию А. М. Разгона): Научные чтения. ГИМ Москва, 1999. С. 18–19.
11. Шмидт С. О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. Москва: Российский государственный гуманитарный университет. 1997. 612 с.

*

Поступила в редакцию 31.03.2023